Критянин видел представление драмы «Стелла» во время своего пребывания в Италии в 1639—1641 гг. и положил поэтому ее (а не легенду из «Miracoli. . .») в основу своего рассказа об исцелении богоматерью красавицы-безручки.[9] Как известно, русский перевод сборника Агапия «Грешных спасение» был выполнен в Чудовом монастыре в Москве около 1693—1705 гг. иеродиаконом Иоанном Дамаскином и монахом Евфимием и распространялся в течение всего XVIII столетия.[10]

Параллельное сопоставление трех произведений (повесть о царевне Персике, легенда Агапия Критянина, exemplum «Salvatica» [11]) позволяет прийти к следующим выводам об их взаимоотношении.

1. Все основные звенья фабулы близки в повести о Персике и в двух сопоставляемых легендах. Последовательность нарушена лишь один раз — в эпизоде исцеления. В обеих благочестивых легендах исцеление — награда за долготерпение. Именно поэтому сцена исцеления отнесена к концу (после возвращения мужа героини) и помещена перед самой встречей супругов. В связи с этим в обеих легендах сохранен образ отшельника, который приютил безрукую мать с двумя младенцами и питал их. Перенесение исцеления в повести о Персике к началу вторичного изгнания героини сделало ненужным образ отшельника.

2. Легенда об исцелении рук царицы фряжской из сборника Агапия Критянина обнаруживает более полное совпадение с повестью о Персике, чем exemplum «Salvatica». В последнем отсутствуют, например, некоторые эпизоды, равно имеющиеся у Агапия и в повести о Персике (молитва девушки к богородице после увечья; объяснение возникновения любви знатного юноши к спасенной им девушке: он пленен ее красотой и душевными качествами; психологическая мотивировка подмены писем; рассказ героини о своем происхождении и преследовании злой мачехой).

Другие эпизоды разработаны в легенде о Сальватике иначе, чем у Агапия и в повести о Персике, либо совсем не имеют там параллелей. Так, например, слуга, отрубивший Сальватике руки, берет с нее клятву никогда не возвращаться ко двору отца; муж Сальватики, уезжая по призыву короля, требует, чтобы родители обращались с его женой «omni honore, favore e treverencia». По возвращении муж Сальватики не сам отправляется на поиски жены с детьми, а посылает слугу, сопровождавшего Сальватику во второе изгнание, и грозит ему смертью, если тот не найдет госпожи; введен поэтому длинный диалог слуги с отшельником, который колеблется, отправлять ли Сальватику к мужу или нет; наконец, мотив подметного письма удвоен, подобно тому как это встречается в сказках.

---

[9] P. Popovič. La Manekine grecque et sa source italienne. — Byzantinische Zeitschrift. Leipzig, 1907, Bd. 16, стр. 150—155.

[10] Подробнее см.: А. И. Соболевский. 1) Библиографические заметки. — Чтения в Обществе Нестора-летописца. Киев, 1900, кн. 14, в. 2, стр. 14—16, 2) Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 337—338; И. Фетисов. Збірник легенд Агапія Критянина «Ἁμαρτωλῶν Σωτηρία» в українському та московському письменствах та народні словесности. — ВУАН. Записки історично-філологічного відділу. Киев, 1928—1929, кн. XIX, стр. 35. И. Фетисов указывает шесть списков русского перевода сборника «Грешных спасение» по рукописям XVIII—XIX вв.

[11] Сравнение произведено: для повести о царевне Персике по рукописи Библиотеки Академии наук УССР о. л. 48/534 (изд. В. В. Сиповским) с исправлениями по спискам ГПБ, O.XVII.42 и ГИМ, № 1559; для легенды Агапия Критянина по списку ГПБ.Q.I.786, лл. 45—53 («Чудо первое на десять о царице фряжской, ея же отсечении руце исцели всесильная владычица»), для exemplum «Salvatica» по рукописи 1490 г. Q.I.350 б. Королевской университетской библиотеки в Бреславле (издано: J. Klapper. Exempla aus Handschriften des Mittelalters. Heidelberg, 1911, стр. 1—6). В данной статье текстологическая часть исследования опущена.